

other civilizations and undermines the spiritual-moral imperatives of the historical memory of the nation, compelling it to serve the new ideals of Russian society.

Keywords: power, civilization, Russian statehood, traditional values, spiritual-moral imperative, historical memory of Russian society, service

ГАВРИЛЕНКО Никита Владиславович — магистрант кафедры прикладного анализа международных проблем Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (119454, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 76; gavrilenko.n.v@my.mgimo.ru)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТЕРМИНАХ ПСИХОЛОГИИ: СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется концепция секьюритизации копенгагенской школы и определяется ее полезность в изучении вопросов национальной идентичности. Автор отмечает ограниченность методологии, поскольку она пренебрегает причинами выбора моделей поведения и предлагаемых на их основе сценариев безопасности. Ввиду междисциплинарного характера феномена идентичности существующие теоретико-концептуальные лакуны предлагается заполнить посредством внедрения дополнительных положений из психологии, объясняющих появление страха и его роль в борьбе с угрозами.

Ключевые слова: секьюритизация, безопасность, идентичность, аудитория, психология, страх

Введение

Копенгагенская школа международных отношений внесла значительный вклад в развитие теоретического осмысления взаимодействия между акторами благодаря разработанной Б. Бузаном, У. Уэвером и Я. де Вильде «новой модели анализа» вопросов безопасности [Buzan, Wæver, de Wilde 1998]. Наибольшего признания удостоилась методология изучения вопросов секьюритизации. Под последней подразумевается конструирование угрозы за счет формирования соответствующего дискурса. Посредством речевого акта отмечается наличие вызова в отношении конкретного референтного объекта со стороны того или иного вопроса, процесса или контрагента [Боровский, Шишкина 2021: 58]. При помощи специально подобранных понятий секьюритизирующий актер пытается убедить свою аудиторию в существовании экзистенциальной угрозы, для решения которой требуется переход от обычных практик к экстренным мерам. В случае успеха происходит секьюритизация вызова и переход к реализации предложенного сценария безопасности, направленного на преодоление проблемы. Однако агентом, обращающим внимание на ее наличие, может быть только государственный деятель с крупным социальным и политическим капиталом [Peoples, Vaughan-Williams 2010: 79], иными словами, человек, способный оказывать влияние на общество.

Описанный выше процесс осуществляется в секторах безопасности, которых Б. Бузан выделяет пять: политический, экономический, социальный, военный и экологический [Buzan 1983: 11]. В зависимости от того, в каком из них воз-

никает угроза, круг вовлеченных игроков и референтный объект могут варьироваться. Отметим, что в последнее время популярность набирает анализ угроз в рамках социального сектора, в особенности вопросов национальной идентичности. Как отмечает отечественный философ Т.А. Алексеева, сейчас происходит «очеловечивание» мировой политики, что придает актуальность изучению проблемы обеспечения онтологической безопасности [Алексеева 2022: 7]. Данный феномен довольно долго был исключительно достоянием психологии и социологии, но теперь он оказывается одним из ключевых в науке о международных отношениях. Все чаще исследователи обращают внимание на фактор идентичности во внешней политике и при его анализе прибегают в т.ч. к разработкам копенгагенской школы. Это позволяет рассматривать многообразие моделей поведения и сценариев, при помощи которых секьюритизирующие акторы пытаются преодолеть возникающие угрозы. Тем не менее применяемая концепция имеет значительное ограничение — она не объясняет причины, почему влиятельные агенты предлагают именно тот выход из ситуации, который они пытаются донести до своей аудитории, а не какой-либо еще.

Представляется, что ответ на данный вопрос кроется в первоисточнике феномена онтологической безопасности — психологии. Конструктивизм создает благоприятные условия для развития междисциплинарного подхода к изучению межгосударственных связей и «импорта» положений из смежных наук, что подтверждается целым рядом существующих трудов [Wendt 2004; Shannon 2012; Kinnvall, Mitzen 2020]. В связи с этим автор статьи ставит перед собой цель определить перспективы расширения объяснительного потенциала концепции секьюритизации в рамках социального сектора безопасности за счет внедрения дополнительных теоретико-концептуальных положений из психологии.

Угрозы идентичности и их секьюритизация: возможности дополнения модели анализа

Согласно основным постулатам копенгагенской школы, безопасность определяется как феномен, противоположный «обычной политике». Если в последнем случае все решения принимаются при опоре на законы и устоявшиеся правила, то при секьюритизации угрозы происходит выход за рамки обыденных и установленных практик. Одним из наиболее очевидных и не столь давних примеров подобных экстренных мер является ограничение прав и свобод индивидов во время пандемии коронавируса, что было направлено на предотвращение дальнейшего распространения заболевания [Roberts 2020].

Такой подход ставится под сомнение представителями парижской школы. Они считают, что их оппоненты не уделяют должного внимания повседневным практикам специалистов в сфере безопасности. Иными словами, отсутствие угроз становится возможным не за счет публичных выступлений и вытекающих из них экстренных мер, а благодаря таким рутинным действиям, как, например, сбор и публикация статистических данных или оценка и анализ существующих угроз [Vigo 2002].

Несмотря на справедливость указанного выше критического замечания, под сомнение ставится его релевантность в отношении вопросов онтологической безопасности. Так как национальная идентичность — это социальный конструкт, который имеет свойство изменяться в зависимости от дискурса, повседневные практики, на которых делается акцент в рамках подхода парижской школы, отходят на второй план. В данной ситуации гораздо большее значение имеет речевой акт, который указывает на существование угрозы само-

бытности: если этот вопрос не передается огласке, значит, и в секьюритизации он не нуждается. Если же вызов онтологической безопасности возникает, то в рутинизации требуемых для его решения мер нет никакой необходимости. Связано это с тем, что процесс преодоления угрозы непостоянен и прекращается с ее десекуритизацией. Между тем остается нерешенным вопрос, по какой причине секьюритизирующий актер пытается убедить свою аудиторию в правильности предлагаемого им сценария безопасности. Вполне вероятно, это обусловлено недостаточной концептуализацией самой группы людей, к которой обращается влиятельный агент.

Прежде всего необходимо установить, кто именно относится к ней и какая роль ей отводится. В научной литературе встречается мнение, что аудитория определяется в зависимости от конкретной социально-исторической ситуации, при этом перед ней стоит задача обеспечивать секьюритизирующего актора всем необходимым для преодоления возникшей угрозы [Vuori 2008: 72]. Влиятельный агент, в свою очередь, должен уметь определить настроения, нужды и интересы аудитории. Чтобы убедить ее, необходимо сформировать правильный нарратив, отталкиваясь от опыта и знаний слушателей [Balzacq 2005: 184]. Иными словами, требуется выстраивать аргументацию, учитывая особенности группы, которой секьюритизирующий актер пытается указать на наличие проблемы [Léonard, Kaunert 2011: 61].

Помимо аудитории, не стоит также пренебрегать контекстом. Сторонники анализируемого подхода стремятся избегать ситуации, когда любое явление можно описывать в категориях безопасности. Однако здесь появляется трудность, поскольку каждый секьюритизирующий актер определяет состояние защищенности в зависимости от контекста. На практике такая перспектива вовсе не означает, что в конечном счете все можно рассматривать в качестве вопроса безопасности. Актеры имеют ограниченный набор практик, который закреплен в обусловленных контекстом нарративах и логике действий. Таким образом, теоретики копенгагенской школы отчасти правы, указывая на важность общего определения безопасности. Однако они пытаются придать ему аксиоматичность, не учитывая, что подобного рода понятия могут претерпевать изменения [Ciută 2009: 321].

Резюмируя сказанное выше, отметим, что в процессе секьюритизации аудитория выступает не только в качестве агента, придающего легитимность решениям и действиям политиков. В большой степени она их предопределяет, поскольку сценарий безопасности формулируется на основе анализа ключевых характеристик группы лиц, к которой обращается секьюритизирующий актер, и общей ситуации внутри и вокруг нее.

В случае проблемы обеспечения безопасности идентичности автору кажется целесообразным учитывать и психологические особенности аудитории. Состояние онтологической незащищенности подразумевает появление страха за свою самобытность, поскольку для личностей характерно стремиться защитить то, что им дорого. Однако проявляться он может по-разному: для одних изменение статус-кво в вопросе идентичности может восприниматься как катастрофа, требующая экстренных мер для его восстановления; для других — как нечто ранее неизвестное, что может таить в себе изменения и риски. Но концепция секьюритизации не позволяет посмотреть на изучаемый вопрос под таким углом, хотя это позволило бы расширить представление о поведении государств на международной арене. В связи с этим подход копенгагенской школы к анализу проблем безопасности требует уточнения и дополнения.

Заключение

В результате ознакомления с положениями и критикой концепции секьюритизации было сформировано представление о перспективах расширения ее объяснительного потенциала в рамках социального сектора безопасности. Вследствие растущей популярности международно-политических исследований, посвященных национальной идентичности, появилась необходимость анализа подхода копенгагенской школы на полноту выводов, которые можно получить при его применении.

Несмотря на всю «добавленную стоимость» методологии, в частности в изучении вопросов самобытности, она упускает из виду самый первый и важный этап – появление необходимости обеспечения онтологической безопасности: что вызывает страх за идентичность? Чем обусловлена модель поведения, которую предлагает секьюритизирующий актор? Эти два ключевых вопроса остаются без ответа. Если принять во внимание уже подтвержденную совместимость теории международных отношений, а именно конструктивизма, и психологии, кажется логичным решение доработать концепцию копенгагенской школы в части объяснения причин возникновения такой эмоции, как страх, и определения его роли в борьбе с угрозами. Этому будут посвящены будущие исследования автора.

Список литературы

- Алексеева Т.А. 2022. «Третье поколение» конструктивизма: что нового? – *Социальные и гуманитарные знания*. Т. 8. № 1. С. 6-21.
- Боровский Ю.В., Шишкина О.В. 2021. Секьюритизация энергоснабжения в рамках Евросоюза. – *Вестник МГИМО-Университета*. № 14(3). С. 57-81.
- Balzacq T. 2005. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context. – *European Journal of International Relations*. Vol. 11. Is. 2. P. 171-201.
- Bigo D. 2002. Security and Immigration: Towards a Critique of the Governmentality of Unease. – *Alternatives*. Vol. 27. Is. 1. P. 63-92.
- Buzan B. 1983. *People, States, and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Wheatsheaf Books Ltd. 262 p.
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. 1998. *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers. 239 p.
- Ciută F. 2009. Security and the Problem of Context: A Hermeneutical Critique of Securitisation Theory. – *Review of International Studies*. Vol. 35. Is. 2. P. 301-326.
- Kinnvall C., Mitzen J. 2020. Anxiety, Fear, and Ontological Security in World Politics: Thinking with and beyond Giddens. – *International Theory*. Vol. 12. Is. 2. P. 240-256.
- Léonard S., Kaunert C. 2011. Reconceptualizing the Audience in Securitization Theory. – *Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve*. London, N.Y.: Routledge. P. 57-76.
- Peoples C., Vaughan-Williams N. 2010. *Critical Security Studies: An Introduction*. London, N.Y.: Routledge. 236 p.
- Roberts A. 2020. Pandemic and Politics. – *Global Politics and Strategy*. Vol. 62. Is. 5. P. 7-40.
- Shannon V. 2012. Introduction. – *Psychology and Constructivism in International Relations: An Ideational Alliance*. University of Michigan Press. P. 1-29.
- Vuori A.J. 2008. Illocutionary Logic and Strands of Securitization: Applying the Theory of Securitization to the Study of Non-Democratic Political Orders. – *European Journal of International Relations*. Vol. 14. Is. 1. P. 65-99.

Wendt A. 2004. The State as Person in International Theory. — *Review of International Studies*. Vol. 30. Is. 2. P. 289-316.

GAVRILENKO Nikita Vladislavovich, Master student at the Chair of Applied International Analysis, Moscow State Institute of International Relations, University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (76 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119454; gavrilenko.n.v@my.mgimo.ru)

WHEN INTERNATIONAL RELATIONS MEET PSYCHOLOGY: SECURITISING THREATS TO NATIONAL IDENTITY

Abstract. The article analyzes the concept of securitisation by the Copenhagen school of political thought, while defining its utility in studying issues of national identity. This research avenue is gaining traction within the constructivist approach as world politics has become more human. Yet, the author stresses that the methodology in question is limited. It does not explain why the securitising actor, which is an influential politician, chooses some certain behavioural model and a respective security scenario. It is also important that the audience, which they try to persuade that a threat exists, is highly overlooked within the analytical framework. However, this very audience is concerned about preserving national identity and influences decisions taken by the securitising actor. Given the interdisciplinary nature of identity, one way to fill the existing theoretical and conceptual vacuum is to turn to psychology. This would allow borrowing additional provisions that explain why fear emerges in the context of providing ontological security and what role it plays in tackling threats.

Keywords: securitization, security, identity, audience, psychology, fear